

Н. Н. Трунскій.

Начальные годы польскаго романтизма.

А. МАЛЬЧЕВСКІЙ

И

его повѣсть „Марья“

Пробная лекція, читанная 25 ноября 1899 г.
въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ и С-ья.
(Рыбная улица, домъ № 30-й).

1901

<http://rcin.org.pl>

Начальные годы польскаго романтизма. — Ант. Мальчевскій и его повѣсть „Марья“.

Н. К. Грунскаго.

Но кто пойметъ, что не пустыя звуки
Звенять въ стихѣ неопытномъ моемъ, —
Что каждый стихъ — дитя глубокой муки,
Рожденное въ раздумьи роковомъ?
Что каждый мигъ „святого вдохновенья“
Мнѣ стоилъ слезъ, не видныхъ для людей,
Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи ночей?!

Надсонъ.

Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашель безвременный конецъ.
Дохла бурея, цвѣтъ прекрасный
Увяль на утренней зарѣ;
Потухъ огонь на алтарѣ.

Изъ „Евгенія Онегина“.

Въ началѣ XIX вѣка польская изящная литература не могла похвалиться особеннымъ оживленіемъ. Все болѣе и болѣе отдалается она отъ жизни и теряетъ ту философскую и общественную подкладку, которая была въ литературѣ предыдущаго времени. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ подражаніе французскимъ образцамъ доходитъ до высшаго предѣла, съ котораго, естественно, должно было начаться и паденіе прежнихъ идеаловъ. Представители литературы начинаютъ преслѣдовать главнымъ образомъ развитіе и соблюденіе извѣстныхъ вѣнскихъ приемовъ. Въ литературѣ постепенно наступаетъ затишье. Это затишье нарушается съ 15—20 годовъ новыми вѣяніями, извѣстными подъ именемъ романтизма, вѣяніями, вызвавшими протестъ со стороны приверженцевъ старыхъ литературныхъ порядковъ.

Ко времени этого перелома въ польской литературѣ — постепеннаго паденія ложно-классицизма и постепеннаго проникновенія и господства романтизма относится и творческая дѣятельность А. Мальчевскаго. Въ своихъ первыхъ, очень небольшихъ и не имѣющихъ особен-

наго литературнаго значенія стихотвореніяхъ Мальчевскій — послѣдователь прежнихъ теченій ложно-классицизма, въ дальнѣйшей же своей дѣятельности литературной — главнымъ своемъ произведеніи онъ, не разрывая, впрочемъ, связи съ прошлымъ, является преимущественно романтикомъ.

Польскій ложно-классицизмъ и польскій романтизмъ считаются такими же контрастами, какъ и ихъ западно-европейскіе родоначальники. Современный намъ, извѣстный историкъ польской литературы проф. Тарновскій сравниваетъ польскій ложноклассицизмъ съ мрачнымъ альпійскимъ ущельемъ, гдѣ глаза путника блуждаютъ лишь по снѣгамъ, льдинамъ и хмурому оловянному небу, а романтизмъ — съ живописной, полной чудесныхъ красотъ альпійской долиной. Слишкомъ сильно и невѣрно подобное сравненіе: ему противорѣчатъ исторія и характеръ этихъ литературныхъ направленій въ Польшѣ. Правда, поэзіи не улыбалось счастье въ XVIII ст. Вѣкъ по преимуществу холоднаго разсудка отрицалъ, повидимому, всякій энтузіазмъ, всякіе порывы. Творческую дѣятельность поэта онъ подчинялъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ правиламъ, и самой поэзіи отводилось собственно второстепенное мѣсто: она должна была поучать, быть только какъ-бы посредницей между наукой, въ частности философіей, и жизнью. Типичнѣйшимъ представителемъ тогдашней польской литературы и взглядовъ на эту послѣднюю является извѣстный писатель Красицкій, называемый обыкновенно польскимъ Вольтеромъ. Но на ряду съ такимъ преобладающимъ теченіемъ въ польской ложноклассической литературѣ были и другія теченія. Тамъ мы находимъ „поэта сердца“, какъ его тогда называли — Карпинскаго. Кромѣ Карпинскаго, который, по выраженію Мицкевича, пѣлъ, jak pta-szek, къ такому же направленію, выдвигавшему запросы сердца можно причислить Князвина, Воронича и нѣк. др.

И во всей ложноклассической польской литературѣ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, мы не можемъ отрицать народности, той народности, отсутствіе которой считается ея будто бы отличіемъ отъ романтизма. Народность, впрочемъ, тогда понималась нѣсколько не такъ, какъ понимали ее романтики, особенно западно-европейскіе, а скорѣе такъ, какъ ее понимали вѣка предыдущіе, напр. XVI в. — „золотой“ вѣкъ польской письменности. Даже позднѣйшіе польскіе романтики не отрицали народныхъ чертъ въ произведеніяхъ Фредро, Заблоцкаго, Нѣмцевича и др.

Знакомство съ западно-европейскимъ романтизмомъ наблюдается въ польской литературѣ еще въ начальныхъ годахъ нынѣшняго вѣка; но только къ 15—20 годамъ относится выступленіе на арену литера-

туры собственно польскихъ романтиковъ. Первымъ ярымъ защитникомъ и проводникомъ идей новаго направленія былъ Мицкевичъ. Слова его стихотворенія *Romantyczność*

Miej serce i patrzaj w serce,

т. е. имѣй сердце и смотри въ сердце, дѣлаются лозунгомъ начинающагося движенія. Къ этому основному тону романтизма вообще присоединяются постепенно и другіе, которые опредѣляются съ развитіемъ этого движенія въ Польшѣ. Очагомъ первоначальнаго романтизма дѣлается литовскій городъ Вильна. Отрицаніе выработанныхъ прежде правилъ, вносимый черезъ то, повидимому, безпорядокъ въ литературу, стремленіе къ фантастикѣ и какой-то непонятной грусти, *teşknot'f*, увлеченіе народными суевѣріями — вотъ что находятъ прежде всего въ трудахъ новаго направленія его враги и на это прежде всего дѣлаютъ свои нападенія. Главныя силы ложноклассиковъ сосредоточиваются въ Варшавѣ. И вотъ въ этой-то Варшавѣ совершенно неожиданно въ 1825 г. появляется романтическая повѣсть Мальчевскаго „Марья“.

Критика варшавская несочувственно встрѣтила повѣсть Мальчевскаго. За критикой слѣпо шла варшавская публика, и повѣсть осталась первоначально совсѣмъ нераспроданной.

Небольшое произведеніе это, завоевавшее позже огромныя симпатіи, выдержавшее нѣсколько десятковъ изданій, очень важно въ исторіи польскаго романтизма, какъ художественное и оставившее нѣкоторый слѣдъ на послѣдующей польской литературѣ, а затѣмъ, потому что оно стоитъ во главѣ извѣстнаго отдѣла начальнаго польскаго романтизма, даетъ своему автору имя одного изъ первыхъ основателей этого отдѣла, такъ называемой украинской школы, стоящей обособленно отъ другой — литовской, во главѣ съ Мицкевичемъ.

Духъ повѣсти, ея основной тонъ были прямымъ отраженіемъ состоянія души Мальчевскаго за послѣдніе годы его жизни.

Переходя къ біографіи Мальчевскаго, я долженъ прежде всего упомянуть, что источниковъ для нея мы имѣемъ очень мало: это — нѣсколько писемъ самого Мальчевскаго и лицъ его знавшихъ; письма послѣднихъ относятся ко времени далеко послѣ смерти поэта, когда слава его достигла высшихъ предѣловъ, писаны они притомъ съ извѣстной личной цѣлью ихъ авторовъ, т. обр. къ нимъ нужно относиться съ большою осторожностью. Многое остается неяснымъ или совершенно неизвѣстнымъ въ біографіи Мальчевскаго, той біографіи, которая могла бы быть лучшимъ комментариемъ къ его главному литературному произведенію. Насколько же мало интересовались Мальчевскимъ при жизни

его, на это указывает тотъ фактъ, что когда, нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, хотѣли поставить ему памятникъ, то не могли точно опредѣлить мѣсто на варшавскомъ кладбищѣ, гдѣ былъ похороненъ поэтъ.

Вотъ немногіе наиболѣе важные факты изъ жизни Мальчевскаго. Родился Ан. Мальчевскій въ 1793 г. въ Варшавѣ. Отецъ его былъ генераломъ русскихъ войскъ и владѣлъ нѣсколькими помѣстьями на Волыни, гдѣ и провелъ будущій поэтъ первые годы своей молодости. Образование Мальчевскій получилъ въ славившемся тогда Кременецкомъ лицѣ, въ который былъ отданъ въ 1805 г. Какое вліяніе оказала лицейская жизнь, учителя лицея и стоявшій во главѣ лицея Чацкій — трудно сказать, и біографы въ этомъ случаѣ сильно расходятся. По оконченіи лицея, Мальчевскій поступаетъ въ военную службу; какъ думаютъ, дѣлаетъ онъ это, желая угодить своей кузинѣ Аннѣ, любовь къ которой завладѣваетъ его юношескимъ сердцемъ. Вскорѣ, однако, Мальчевскаго постигаетъ ударъ: Анна, которая и сама любила своего кузена, во время отсутствія Мальчевскаго, въ силу какого-то недоразумѣнія, выходитъ замужъ. Затѣмъ мы уже видимъ Мальчевскаго ведущимъ свѣтскій образъ жизни. Варшавскій свѣтъ того времени обладалъ, по отзывамъ современниковъ, необычайной притягательностью благодаря красотѣ, кокетству и умственному развитію царившихъ въ салонахъ женщинъ. Это была настоящая огненная сфера и въ этой-то сферѣ встрѣчается Мальчевскій съ кн. Любомірской. Сильная страсть, какъ ураганъ, налетаетъ на него. За кн. Любомірской ѣдетъ Мальчевскій за границу и тамъ проводитъ пять лѣтъ. Побывавъ онъ за это время во многихъ западно-европейскихъ странахъ, и пребываніе тамъ имѣло огромное значеніе для развивавшагося литературнаго таланта Мальчевскаго: онъ познакомился съ западно-европейской жизнью, литературой и отчасти даже съ представителями послѣдней (въ Италіи Мальчевскій познакомился съ Байрономъ). Въ 1821 г. возвращается Мальчевскій на родину, возвращается грустный, съ разбитымъ сердцемъ; причины разрыва его съ княгиней Любомірской остаются неизвѣстными. Къ этому времени относится небольшое литературное произведеніе его — стихотвореніе *Podróż*. Въ немъ устами женщины, потерявшей горячо любимаго мужа и рѣшившейся отказаться въ будущемъ отъ утѣхъ любви, посвятить свою жизнь Аполлону, вѣчно зеленый лавровый вѣнокъ котораго никогда не увядаетъ, Мальчевскій высказываетъ какъ-бы свое желаніе отдаться навсегда поэзіи. Упоминаю объ этомъ небольшомъ стихотвореніи потому, что оно наиболѣе цѣльно и цѣнно въ сравненіи съ предыдущими литературными опытами Мальчевскаго. *Podróż* какъ бы предисловіе къ „*Magyi*“, предисловіе, проникну-

тое такимъ же грустнымъ, безотраднымъ чувствомъ. Поселился Мальчевскій на Воляни; тамъ, гдѣ были богатыя помѣстья отца, тамъ теперь онъ беретъ въ аренду небольшой хуторокъ; матеріальныя средства его были въ это время очень неблестящи. Жизнь Мальчевскій ведетъ уединенную и, какъ предполагаютъ, тогда уже начинаетъ писать прославившую его имя повѣсть. Одинъ изъ сосѣдей Мальчевскаго, помѣщикъ Рудинскій, услышавъ о Мальчевскомъ какъ объ очень искусномъ магнитезерѣ приглашаетъ его къ себѣ на домъ и проситъ помочь своей женѣ, женщиѣ очень болѣзненной, страдавшей нервными припадками. Мальчевскій начинаетъ примѣнять надъ Рудинской тѣ гипнотическіе опыты, съ которыми онъ познакомился въ бытность свою за границей. Слишкомъ трагически окончились для Мальчевскаго эти опыты. Рудинская почувствовала къ нему сильную страсть. Мальчевскій подумывалъ уже объ отъѣздѣ, но было поздно. Не желая разбивать чужой жизни, онъ жертвуетъ своей. вмѣстѣ съ Рудинской Мальчевскій покидаетъ Воляни и ѣдетъ въ Варшаву, гдѣ этотъ изнѣженный, не привыкшій къ труду человекъ думаетъ легче заработать кусокъ хлѣба и гдѣ легче, конечно, было сносить нѣсколько двусмысленное положеніе до развода Рудинской съ мужемъ. Въ Варшавѣ Мальчевскаго преслѣдуетъ нужда, онъ заболѣваетъ; въ такомъ положеніи издаетъ онъ свою повѣсть, на ней основываются его мечты о литературной славѣ и на нее возлагаетъ Мальчевскій надежды въ матеріальномъ отношеніи. Но и здѣсь его преслѣдуетъ неудача. И вотъ, жизнь съ нелюбимой женщиной, уколы самолюбія въ силу непризнаннаго литературнаго таланта, крайняя матеріальная нужда доводятъ Мальчевскаго до полного отчаянія, и неудивительно, что этотъ Адонисъ, какъ называлъ его одинъ современникъ, знавшій его въ первую бытность въ Варшавѣ, обращается въ какого-то страннаго, полупомѣшаннаго человекъ. Умеръ Мальчевскій въ 1826 г., одинокій, покинутый всѣми.

Жизнь Мальчевскаго раздѣляется на 2 неравныя, противоположныя по характеру части. Начало этой жизни было свѣтло. Молодость, здоровье, красота и богатство были тогда на сторонѣ Мальчевскаго. Но послѣдующая жизнь сложилась иначе. Жизнь эта полна мукъ, страданій, и лучшимъ, желаннымъ ея завершеніемъ была смерть.

Мальчевскій былъ человекъ очень мягкаго характера, человекъ съ замѣчательнымъ, рыцарски-благороднымъ сердцемъ. Это былъ, какъ отзывается одинъ современникъ, *młodzieniec uczuć wzniosłych*, юноша съ возвышенной душой. Онъ не имѣлъ въ себѣ тѣхъ чертъ, которыми отличаются люди, проводящіе въ жизнь новыя идеи, и судьба зло пошутила, поставивъ его во главѣ новаго литературнаго направленія.

Основные черты характера Мальчевскаго, его мягкость, какая-то расплывчивость нашли себѣ выраженіе и въ главномъ его литературномъ произведеніи. Можетъ быть, отъ нихъ зависѣла отчасти и первоначальная непопулярность повѣсти: въ первыя минуты борьбы романтизма съ ложноклассицизмомъ требовалось совершенно иное отъ поборниковъ новаго направленія.

Основой для повѣсти Мальчевскаго послужилъ фактъ, случившійся въ польскомъ обществѣ XVIII в. — убійство жены молодого графа Феликса Потоцкаго, Гертруды Коморовской-Потоцкой, совершенное, какъ показывали обвинительные акты, по приказанію ея тестя, гордаго воеводы волынскаго, графа Потоцкаго. Возмутительное дѣло это и вызванный имъ громкій процессъ долго сосредоточивали на себѣ вниманіе польскаго общества, и отголоски въ видѣ разсказовъ перешли даже въ XIX ст. Пользовался ли Мальчевскій какимъ-либо историческимъ документомъ или разсказами — опредѣленно трудно сказать, но по нѣкоторымъ даннымъ, о которыхъ я здѣсь распространяться не буду, можно предполагать, что въ основу повѣсти легли преданія, циркулировавшія по Волыни. Дѣйствіе Мальчевскій переноситъ изъ XVIII ст. въ XVII, придавъ иную обстановку.

Повѣсть состоитъ изъ 2-хъ частей, или пѣсней, какъ называетъ ихъ авторъ. 1-я пѣснь подраздѣляется на 19 небольшихъ отрывковъ, 2-я — на 20. Разсказъ течетъ нѣсколько несплѣдовательно, отрывочно, и прежде всего читателя поражаетъ нѣкоторая неясность.

Начинаетъ Мальчевскій повѣсть описаніемъ быстро несущагося черезъ степь казака. Ярко рисуется передъ нами мужественная фигура сына степей, не менѣе ярко обрисовывается и его вѣрный товарищъ — конь. Казакъ и конь мало-по-малу сливаются, образуютъ одно цѣлое, выдѣляясь еще на фонѣ степи, а затѣмъ съ этой послѣдней исчезаютъ изъ глазъ читателя. Въ 3-хъ небольшихъ отрывкахъ, образующихъ первую картину, уже выступаютъ приемы Мальчевскаго какъ художника, здѣсь встрѣчаемъ мы полныя глубокаго чувства описанія степей Украины, наводящихъ на автора невыразимую грусть своимъ однообразіемъ, тоскливо шумящимъ вѣтромъ, своими единственными историческими памятниками — могильными курганами. На этой картинѣ какъ небольшой ея аксессуаръ является „черная птичка“, къ которой обращается поэтъ. Вотъ это мѣсто, въ довольно свободномъ переводѣ или, лучше, подражаніи Козлова (См. 1-й отрывокъ въ переводѣ Козлова въ Сборн. слав. п. Гербеля).

О ласточка! быстро ты въ небѣ летаешь,
Ты многое видѣла, ты многое знаешь!

Быть можетъ, ты хочешь, кружась и летая,
Ему что повѣдать? Спѣши, дорогая,
Съ нимъ тайной завѣтной своей подѣлиться,
Ты круга не кончишь — казакъ ужь промчится.

Рисуется затѣмъ великолѣпный замокъ, откуда былъ посланъ казакъ. Въ этомъ замкѣ царилъ такъ еще недавно какой-то мрачный духъ: воевода — владѣтель замка находился въ раздорѣ съ сыномъ; теперь же тамъ происходятъ перемены: примиряется съ сыномъ воевода; по-видимому, въ замкѣ наступаетъ веселье, устраивается даже пиръ. Но въ этомъ пирѣ есть что-то зловѣщее. До поздней ночи пируетъ шляхта, до поздней ночи гремитъ веселая музыка и до поздней ночи, говоритъ авторъ, съ какой-то недоброй усмѣшкой поглядываютъ на веселящихся сверкая своими мертвыми глазами лица на портретахъ предковъ воеводы, портретахъ, въ длинномъ ряду развѣшанныхъ по стѣнѣ,

Do późnej nocy w zamku zgiełk i tętent trwały
Do późnej nocy trąby i wiwaty grzmiały.

Do późnej nocy twarze — ostre — malowane —
Przodków w długim szeregu zebranych na ścianę,
Zdały się iskrzyć nieraz martwymi oczami,
I śmiać się do pijących — i ruszać wąsami.

Самъ воевода, казавшійся веселымъ, спокойнымъ, послѣ пира до разсвѣта мрачно шагаетъ по своей комнатѣ, зловѣще обдумывая что-то. Наступаетъ разсвѣтъ. Лучи солнца проникаютъ въ комнату воеводы, но отъ нихъ съ какимъ-то ужасомъ отстраняется мрачный владѣтель замка. Поднимается движеніе въ замкѣ: собираются въ походъ польскіе рыцари. Строятся они и выѣзжаютъ черезъ высокія замковыя ворота; мало-по-малу затихаетъ конскій топотъ. Вотъ они уже на тихихъ поляхъ Украины, солнце весело сияетъ на ихъ блестящемъ вооруженіи и весело отражается на ихъ полныхъ отваги лицахъ. Впереди нихъ какой-то прекрасный юноша, cielszy sto razy, niż różowe porankiem natury obrazu. Исчезаютъ наконецъ рыцари изъ нашихъ глазъ и остается опять пустынная степь Украины, наводящая автора на грустную думу.

Włóczy się wzrok w przestrzeni, i gdzie tylko zajdzie,
Ni ruchu nie napotka, ni spocząć nie znajdzie
Na rozciągnięte niwy słońce z kosa świeci
Czasem kracząc i wrona i cień jej przeleci,
Czasem w blizkich burzanach świerszcz polny zaświerka,

I głucho — tylko jakaś w powietrzu rozterka.
To jakże? Myśl przeszłości w tej całej krainie
Na żaden pomnik ojców łagodnie nie splynie,
Gdzieby tęsknych uniesień złożyć mogła brzemię?
Nie — chyba lot zwinąwszy zanurzy się w ziemię;
Tam znajdzie zbroje dawne, co zardzałe leżą,
I kości, co niewiedzieć do kogo należą
Tam znajdzie pełne ziarno w rodzajnym popiele,
Lub robactwo rozległe w świeżem jeszcze cieple;
Ale po polach błądzi nie sparłszy się na nic,
Jak Rozpacz — bez przytułku — bez celu — bez granic.

(Т. е.: Бродить взоръ въ пространствѣ, куда только обратится онъ, нигдѣ не замѣтитъ движенія, не найдетъ себѣ пріюта. На растянувшіяся нивы солнце наискось свѣтитъ, изрѣдка пролетитъ каркая ворона, промелькнетъ ея тѣнь, изрѣдка въ близкихъ бурьянахъ затрещитъ стрекоза, и глухо (т. е. кругомъ, вездѣ) — только въ воздухѣ какой-то гулъ. То какъ же? Развѣ не можетъ мысль о прошедшемъ въ этой всей странѣ ни на одномъ отечественномъ памятникѣ мирно остановиться, на памятникѣ, на которомъ сложить бремя своихъ скорбныхъ чувствъ? Нѣтъ! развѣ только, опустивъ крылья, погрузится въ землю, тамъ найдетъ она заржавѣвшее оружіе и кости, которыя неизвѣстно кому принадлежатъ. Тамъ найдетъ она полное зерно въ плодоносномъ пеллѣ или червей многочисленныхъ въ свѣжемъ еще тѣлѣ. Но по полямъ блуждаетъ, ни на чемъ не будучи въ состояніи остановиться, какъ отчаяніе — безъ пріюта — безъ цѣли — безъ границъ).

Дѣйствіе затѣмъ переносится. Подъ старыми липами сидитъ посѣдѣвшій въ жизненныхъ буряхъ, вынесшій много на своемъ вѣку шляхтичь-мечникъ. Горько задумался онъ надъ печальнымъ положеніемъ своего дома. Около него молодая прекрасная женщина. Черныя очи ея потуплены; на поникшемъ лицѣ улыбка страданія. Если мысль или воспоминаніе оживляютъ ея лицо, то оживляютъ какимъ-то тусклымъ, печальнымъ свѣтомъ, какъ лучъ сквозь густую тѣнь. Свѣтъ этотъ такой же блѣдный, какъ свѣтъ мѣсяца, придающій чертамъ статуи какую-то странную жизненность.

Piękna, szlachetna postać — do aniołów grona
Dążyła, ich czystości czarem otoczona.

Прекрасная, благородная личность — она стремилась къ сонму ангеловъ, очарованная чистотой ихъ.

W ciężkich kajdanach ziemi dla nieba istota;
Serce nosi uschnięte a świeci jak zorza,
Podobna do owoców Umarłego morza,
Pod których śliczną farbą, wśród trudu, mozoły,
Podróżny widzi nektar,—znajduje — popioły.
Jakaś pęsepną słodycz w jej każdym ruszeniu,
Ani łzy, ani żalu w jej mglistem spojrzeniu;
O, nie! — przeszłych już zgrzyzot nie widać tam wojny,
Tylko znikłej nadziei grobowiec spokojny,
Tylko się lampa szczęścia w jej oczach paliła,
I zgasła — i swym dymem całą twarz zaćmiła.

Какими густыми красками описывает поэт в этих стихах безотрадное душевное состояние молодой, прекрасной женщины. Она напоминает ему растения Мертвого моря, прекрасны на вид, но обращающиеся в пепел при прикосновении к нимъ. Она застыла как бы в своемъ несчастии. В ея глазахъ теплился когда-то огонекъ счастья („лампа счастья“), но онъ потухъ и дымъ отъ него покрылъ все ея лицо. — Это дочь мечника — Марья. Изъ разговора Марьи съ мечникомъ мы узнаемъ о ея бракѣ, о любви къ мужу и разлукѣ съ послѣднимъ въ силу того, что его отецъ, гордый воевода, желаетъ, во что бы то ни стало, расторгнуть этотъ бракъ. Является казакъ, котораго мы видѣли въ началѣ повѣсти; онъ привозитъ къ мечнику письмо отъ воеводы, тестя Марьи. Въ письмѣ этомъ воевода проситъ мечника забыть все прежнее, приглашаетъ къ себѣ въ домъ Марью, но въ то же время пишетъ, что сынъ, по его желанію, отправляется теперь на татаръ, беспокоившихъ Украину и заѣдетъ къ мечнику; что прежде чѣмъ предаваться счастью, сынъ его долженъ выказать себя достойнымъ этого счастья. Первую минуту мечникъ не вѣритъ, онъ высказываетъ даже предположеніе, ужъ не строить ли какихъ-либо козней воевода, но затѣмъ успокаивается. Вскорѣ является и мужъ Марьи — графъ Вацлавъ, это — тотъ прекрасный юноша, котораго мы видѣли во главѣ выступавшихъ въ походъ польскихъ рыцарей. Трогательна сцена встрѣчи Вацлава съ Марьей. Слова, которыя произноситъ тогда Марья, настоящій восторженный гимнъ чистой, самоотверженной любви. — Пораженный блѣдностью Марьи, Вацлавъ спрашиваетъ: „Марья! не больна ли ты? Ты имѣешь такой видъ, какъ будто хочешь перейти къ ангеламъ... И я хочу даже спросить: любишь ли ты меня“? И вотъ каковъ отвѣтъ Марьи:

Czy Marya siebie kocha? mój drogi, mój miły!

Więcej niż kochać wolno i niż mogą siły:

Więcej niż wątłe serce, gdy jemu już zadość,
Znieść umie tak niezmierną niespodzianą radość.
I gdyby nie Tatarzy, co mi w oczach błyszczą;
I gdyby nie ich strzały, co mi w uszach świszczą;
Tak mi lekko, tak słodko, tak mi nic nie trzeba,
Jakbym w twojem objęciu leciała do nieba.
Czy Marya ciebie kocha? pytaj się jej cienia,
Czem dla Maryi świat cały bez twego spojrzenia?
Czem dla Maryi świat przyszedł — bez twego wspomnienia!
Nieraz w zmysłów zamknięciu, nad tą dużą księgą,
Żniżona całem czuciem przed Stwórcy potęgą,
Gdym chciała ciebie stłumiec modlitwy pociechą,
Zaraz mi brzmiało jakby twego żalu echo!
To może Pan Bóg skarże tak żywe kochanie
I tatarska ci strzała w serce się dostanie.
Widzisz ten jasny promień? co z liści osnowy
Ciągnie swój drżący połysk między nasze głowy?
Ten promień żywi, zdobi, każdego weseli:
Czemuż gdyśmy złączeni, on jeszcze nas dzieli?
Próżno, próżno mój luby! choć usta z ustami
Patrzaj! — chyli się z liściem i jest między nami.
Ach! wśród uniesień bitwy i zwycięstwa wrzawy,
Przypomnij sobie, drogi, że promień twej sławy
Tak czysty, taki świetny, jak słońce na niebie,
Jaskrawym swym wieczorem noc spuści na ciebie!
Och niechaj pierwaj Maryę w ciemnościach zgrzebie!

Любить ли тебя Марья? Мой дорогой, мой милый! больше, чѣмъ можно любить, чѣмъ могутъ силы; больше, чѣмъ слабое сердце, переполненное счастьемъ, можетъ перенести такую безконечную, неожиданную радость (т. е. радость встрѣчи). И если бы не татары, которые мелькаютъ въ моихъ глазахъ, и если бы не ихъ стрѣлы, которыя шумятъ у меня въ ушахъ, мнѣ было бы такъ легко, такъ сладко, такъ ничего болѣе не нужно, какъ будто я въ твоихъ объятыхъ летѣла на небо. Любить ли меня Марья? Спроси ея тѣнь, что для Марьи цѣлый свѣтъ безъ твоего взгляда, что для нея будущій мѣръ безъ памяти о тебя. Неразъ когда углубленная надъ этой толстой книгой жизни (свящ. писан.), всѣмъ существомъ своимъ смиряясь передъ Творцомъ, я стремилась позабыть о тебѣ въ наслажденіи молитвой, въ тотъ же моментъ мнѣ какъ бы слышалось эхо твоего горя! Можетъ быть, Господь Богъ накажетъ такую сильную любовь, и татарская стрѣла поразитъ тебя въ сердце.

Видишь ли этот ясный луч? луч, который пробивается сквозь листья между нашими головами дрожащим блеском. Этот луч каждого оживляет, украшает, радует. Почему же онъ разъединяетъ здѣсь насъ соединенныхъ. Напрасно, напрасно, мой милый! хотя уста съ устами, посмотри, онъ опускается за листкомъ и все же между нами. Ахъ! среди увлеченій битвы и кликовъ побѣды, припомни себѣ, дорогой, что на лучъ твоей славы, такой чистый, такой свѣтлый, какъ солнце на небѣ, опустится темная ночь со своимъ мракомъ. Охъ! пусть прежде Марью она похоронитъ въ своей темнотѣ! Неправда ли, мой Вацлавъ, ты будешь отважнымъ, храбрымъ, твердымъ и мужественнымъ — но и разсудительнымъ?

Особенной силой любви, любви чистой и самоотверженной проникнуты слѣдующія слова Марьи:

Cieszyć się twą radością, twój smutek łagodzić,
Nie myśleć tylko o tem, w czym tobie dogodzić,
Być twoich chwil osłoda, czasem ich ozdoba,
Życ dla ciebie i w tobie, umierać przed tobą,
I w tej ostatniej chwili, choć w cierpien natłoku,
Gasnącym wzrokiem szczęście składać w twojem oku,
A gdy nie wolno z tobą, żyć w twojej pamięci
To Maryi całe miłość, wszystkie, Maryi chęci.

Въ мечникѣ просыпается духъ стараго польскаго рыцаря; собирается и самъ онъ съ своей дружиной помогать Вацлаву. Мечникъ, Вацлавъ и ихъ соединенная дружина выступаютъ въ походъ. Описаніемъ горя оставленной молодой женщины заканчивается 1-я пѣснь.

2-я пѣснь начинается у дома мечника. Появляется какой-то таинственный юноша, поетъ онъ грустную пѣсенку, выказывающую всю разочарованность его души. Вслѣдъ за юношей у двора мечника мы видимъ веселый масленичный поѣздъ; маски поютъ пѣсни; пѣсни ихъ, сначала веселыя, дѣлаются въ заключеніе мрачными, составляя какой-то рѣжущій диссонансъ характеру карнавальнаго шествія.

Bo na tym świecie śmierć wszystko zmiecie
Robak się legnie i w byjnym kwiecie.

Какъ съ юношей, такъ и съ масками разговариваетъ кто-то стоящій у дома, а затѣмъ съ разрѣшенія этого лица маски входятъ въ домъ. Описаніемъ наступающихъ сумерекъ, темной ночи — покровительницы всякаго дурнаго дѣла заканчиваетъ авторъ происходившую у дома мечника сцену, оставляя читателя въ какомъ-то томящемъ недо-

умѣній, и переноситъ къ польскимъ рыцарямъ. Мы видимъ стараго отважнаго мечника, слышимъ его энергичную рѣчь, обращенную къ польскому рыцарству, Вацлава, проникнутаго грустными предчувствіями и ко всему равнодушнаго; описывается встрѣча поляковъ съ татарами и блистательная ихъ побѣда надъ послѣдними. Прежде всѣхъ покидаетъ поле побѣды Вацлавъ; горитъ нетерпѣніемъ онъ увидѣть свою Марью; достигаетъ дома мечника: мрачная тишина встрѣчаетъ его, домъ на запорахъ; наконецъ проникаетъ онъ въ комнату — и предъ нимъ трупъ Марьи. Трудно описать его отчаяніе. Появляется таинственный юноша, уже нѣсколько знакомый намъ, рассказываетъ онъ Вацлаву, что маски утопили въ пруду Марью, и что онъ вытащилъ трупъ ея. Затѣмъ что-то шепчетъ онъ на ухо Вацлаву; послѣдній испытываетъ страшныя муки. Можетъ быть, юноша открываетъ Вацлаву, кто былъ всему виновникомъ. Послѣ этого Вацлавъ и юноша исчезаютъ неизвестно куда. Возвращается мечникъ, передаетъ землѣ тѣло горячо любимой дочери, и самъ съ горя умираетъ на ея могилѣ.

Передавая въ общемъ содержаніе повѣсти, я опускаю тѣ отступленія, полныя глубокаго художественнаго лиризма, которыя очень часто позволяютъ себѣ дѣлать авторъ.

Центръ вниманія сосредоточиваетъ на себѣ героиня повѣсти — Марья. Это несчастная и въ то же время замѣчательно благородная женщина, олицетвореніе чистой, неземной любви. Образъ ея, впрочемъ, туманенъ, блѣденъ и именно въ силу чрезмѣрной ея идеальности. Самъ авторъ называетъ ее существомъ, предназначеннымъ для неба. Въ ея словахъ, проникнутыхъ мѣстами сильнымъ неотразимымъ чувствомъ, можно замѣтить и извѣстную долю преувеличенія, неестественности. Тѣмъ болѣе мы будемъ чувствовать послѣднее, если будемъ помнить, что Марья полька XVII столѣтія, а не представительница сентиментальнаго направленія позднѣйшаго времени. Находя такіе недостатки въ этомъ образѣ, находя здѣсь ошибки автора и противъ требованій исторической правды и законовъ естественности, мы не можемъ не восхищаться отдѣльными частностями — полными какой-то чарующей музыки словами Марьи и глубиной выражаемаго ими чувства. Кто послужилъ образцомъ для Марьи — кузина Мальчевскаго Анна или кн. Люмирская — положительно отвѣтить трудно, такъ какъ объ этихъ лицахъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Находятъ даже отраженіе той и другой, потому то въ Марьѣ отличаютъ какъ бы двойственность — весталку и женщину.

Такимъ же благороднымъ, такимъ же несчастнымъ рисуется и Вацлавъ, образъ тоже нѣсколько блѣдный. И въ его словахъ можно

подмѣтити иной разъ только сильное преувеличеніе, неестественность. Мало въ немъ типическихъ рыцарскихъ чертъ. Менѣе кажется онъ симпатичнымъ въ силу черты, которая сквозитъ въ его характерѣ, это—нерѣшительности, дѣлающей его роль въ повѣсти даже нѣсколько странной. Эта нерѣшительность сближаетъ Вацлава съ героемъ жизненной драмы, о которой я уже упоминалъ, молодымъ Феликсомъ Потоцкимъ. Уже на основаніи одного этого, мнѣ кажется, неправъ Крашевскій, который высказалъ мысль, пользуясь сильнымъ распространеніемъ среди историковъ польской литературы, что въ этомъ случаѣ правда поэзіи и правда жизни расходятся, т. е. то, что мы находимъ въ повѣсти Мальчевскаго, въ жизненной драмѣ носило совсѣмъ иной характеръ. Крашевскій замѣтилъ, что Ф. Потоцкій не былъ такимъ идеальнымъ человѣкомъ, какъ Вацлавъ, что польское общество было сильно ожесточено противъ него. Но почему мы знаемъ, какъ рисовался молодой Потоцкій до позднѣйшей своей дѣятельности, создавшей ему скверную репутацію, каковъ былъ этотъ Потоцкій въ молодыхъ годахъ и каковымъ поэтому отразился въ волинскихъ преданіяхъ.

По рельефности очертаній главная лина повѣсти уступаютъ второстепеннымъ — мечнику, этому представителю лучшихъ слоевъ старопольскаго шляхетства, казаку-гонцу и даже самому воеводѣ. О таинственномъ юношѣ я не говорю: введеніе его въ повѣсть относится къ ея лишь отрицательнымъ сторонамъ.

Въ общемъ повѣсть можетъ произвести на читателя безотрадное впечатлѣніе. Мы встрѣчаемся здѣсь съ ненормальнымъ развитіемъ души, съ крайне туманнымъ мистицизмомъ, съ надломленнымъ умомъ, его бессиліемъ передъ болѣзненно развитой фантазіей. Начиная съ эпиграфа, поставленнаго надъ 1-й пѣснью, читателя уже окутываетъ мистическій туманъ; онъ развивается въ теченіи повѣсти, особенно обнаруживается въ описаніи степей, словахъ таинственнаго юноши и пѣсняхъ масокъ, пѣсняхъ возбуждающихъ самыя разнородныя чувства и составляющихъ, по истинѣ, какую-то ужасную музыку.

На всемъ произведеніи лежитъ отпечатокъ глубоко взволнованной души поэта. Несчастія послѣднихъ лѣтъ его жизни находятъ себѣ отраженіе на всѣхъ почти дѣйствующихъ лицахъ, на отдѣльных картинахъ, въ отдѣльных мысляхъ. Чуть ли не въ каждой строчкѣ этой не исторической повѣсти, а, скорѣе, повѣсти-элегіи слышится плачь по неудавшейся, разбитой жизни. Видно, что для автора

Czas świątecznych uczuć już ściemniał ej! minął
I boli tylko życie, a kwiat jego zginął.

Недаромъ авторъ словами таинственнаго юноши говоритъ, что онъ „ѣлъ много горькихъ отравленныхъ калачей, что лицо его увядшее поблѣднѣло, и что душа его одичавшая не знаетъ радости“. Жизнь человѣческая кажется Мальчевскому такой печальной, что счастливымъ можетъ быть только безумный; правда, выпадаютъ на долю человѣка и минуты счастья, но за этими минутами, за свѣтлымъ чистымъ небомъ слышится всегда громъ, непогода. Да и въ эти кратковременныя минуты человѣкъ не можетъ быть вполне счастливымъ:

Nawet w szczęciu jeszcze czegoś trzeba
I tylko wtenczas błogo, gdy westchnie do nieba.

Мальчевскій отдалъ дань и отдалъ съ лихвой той чертѣ, которая является характерной особенно для XIX столѣтія, это — неудовлетворенію жизнью, сознанію разлада между жизнью и идеаломъ. Черта эта сближаетъ Мальчевскаго прежде всего съ его современникомъ, извѣстнымъ англійскимъ поэтомъ Байрономъ. Называютъ даже Мальчевскаго польскимъ Байрономъ. Приводятъ въ доказательство увлеченія Мальчевскаго личностью Байрона, съ которымъ онъ былъ знакомъ, сильное увлеченіе трудами Байрона. Вліяніе Байрона сказалось на произведеніи Мальчевскаго, это фактъ безспорный. Но вліяніе это отразилось главнымъ образомъ на формѣ повѣсти Мальчевскаго, ея непослѣдовательности, нѣкоторой неясности, нѣкоторыхъ мысляхъ, слогѣ. Но можно ли сравнивать мягкосердаго, вполне религіознаго Мальчевскаго съ Байрономъ, съ этимъ полнымъ олицетвореніемъ мятежнаго духа, можно ли сравнивать героевъ повѣсти Мальчевскаго съ героями Байроновскихъ произведеній, этими сильными, энергичными людьми, вызывавшими на борьбу и общественный порядокъ и вѣчный порядокъ вселенной. У Мальчевскаго Вацлавъ въ концѣ доходитъ до крайняго отчаянія, до какого-то безсильнаго ропота на все, и авторъ его покидаетъ. Байронъ, по справедливому замѣчанію одного изъ историковъ литературы, началъ бы съ того, гдѣ окончилъ Мальчевскій. Такъ и сдѣлалъ другой польскій поэтъ, болѣе похожій по своему духу на Байрона — Словацкій, писавшій продолженіе „Марьи“ Мальчевскаго. Я не буду здѣсь говорить о вліяніи другихъ писателей на Мальчевскаго, вліяніи гораздо менѣе значительномъ, скажу лишь, что слишкомъ мало отмѣчаютъ вліяніе предыдущей польской литературы. Пока могу указать какъ на несомнѣнные для меня факты — вліяніе Нѣмцевича, Бродзинскаго и начавшаго писать нѣсколько ранѣе Мальчевскаго Залѣскаго. Всѣ эти вліянія не исключаютъ возможности признать Мальчевскаго вполне оригинальнымъ писателемъ. Даже между Залѣскимъ и Мальчевскимъ, ставимыми обык-

новенно во главѣ указанной мной школы, заключается большая разница. Ихъ произведенія, дѣйствительно, имѣютъ то общее, что въ нихъ находятъ себѣ мѣсто украинская природа, украинская думка. Только у Мальчевскаго центръ тяжести падаетъ не на послѣднее. Онъ скользитъ иногда по украинской природѣ, не затрогивая такъ глубоко ея тайниковъ, какъ дѣлаетъ это Залѣскій, не останавливается почти на простомъ народѣ. И вообще на Украину Мальчевскій смотритъ глазами польскаго шляхтича. Не таковъ Залѣскій. Онъ самъ служитъ какъ бы зеркаломъ, въ которомъ отражаются родныя картины Украины то веселыя, то грустныя. При томъ свѣта въ его поэзіи болѣе, чѣмъ мрака.

Слогъ у Мальчевскаго далекъ отъ совершенства. Сильное напряженіе чувства, которое испытывалъ авторъ и которое желалъ вполне высказать въ стихахъ, выливалось иногда въ слишкомъ искусственные обороты, причѣмъ мысль дѣлалась даже непонятной. Мальчевскій какъ бы иногда переходитъ въ область звуковъ, излюбленную область романтиковъ, что не мѣшало и даже иногда способствовало музыкальности стиха. Поэтому удачнымъ намъ кажется сравненіе, сдѣланное однимъ изслѣдователемъ, Мальчевскаго съ извѣстнымъ польскимъ композиторомъ Шопеномъ. Мальчевскій и Шопень родственны по тому чувству тоскливости, которое проникаетъ ихъ произведенія, они черпали иногда свое вдохновеніе изъ одного и того же источника.

Въ заключеніе позволю себѣ остановиться на томъ, какъ относилось польское общество къ повѣсти Мальчевскаго уже послѣ смерти ея автора.

Популярность „Марья“ начинается вслѣдъ за талантливой оцѣнкой ея, сдѣланной нѣсколько лѣтъ спустя смерти Мальчевскаго извѣстнымъ критикомъ Мохнацкимъ. Критика послѣдняго нашла себѣ вполне сочувственные отклики въ лекціяхъ Мицкевича, читанныхъ въ Collège de France. Тогда мы уже находимъ нѣсколько изданій повѣсти. Насколько сильно съ годами росла популярность „Марья“, можетъ указывать увлеченіе Словацкаго, писавшаго, какъ я сказалъ, ея продолженіе — поэму „Вацлавъ“. Въ 30, 40, 50-хъ годахъ „Марья“ положительно дѣлается настольной книгой молодого польскаго образованнаго общества, особенно — дѣвицъ, молодыхъ женщинъ, и даже студенты, кончая университетъ, дарили на память другъ другу это небольшое произведеніе. Польскіе художники брали сюжеты изъ нея для своихъ картинъ.

Въ польской литературѣ есть, безъ сомнѣнія, произведенія стоящія гораздо выше этой меланхолической повѣсти, превосходящія ее и большей драматичностью, болѣе жизненной обрисовкой лица и т. п. А между тѣмъ, „Марья“ съ увлеченіемъ читалась во время расцвѣта

романтизма въ Польшѣ; она шла рядомъ съ великими произведеніями Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго и др. Она читается и теперь.

Въ чемъ же заключается причина такой популярности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать характеръ литературныхъ движеній въ Польшѣ — живучесть тамъ романтизма, несмотря на смѣну этого направленія другими, болѣе реальными, а затѣмъ и характеръ повѣсти — глубокое, искреннее чувство, заложенное въ ея основаніе, то чувство, которое привлекало сердца читателей и заставляло послѣднихъ забывать или, скорѣе, даже не видѣть крупныхъ недостатковъ произведенія Мальчевскаго.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. 3-го Марта 1901 года.

Ректоръ Университета *Г. Лагермаркъ*.

Паровая Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-ья.

Харьковъ. Рыбная ул., № 30.

P
7135